

На узкой горной тропе кленовые листья алели, словно пролитая кровь, окрашивая небосвод.

Новоиспеченные жених и невеста шли друг за другом, а следовавшие за ними слуги боялись даже дышать. В царившей тишине было слышно лишь, как шуршат под ногами опавшие листья.

Шан Ханьчжи опустила голову, но каждый шаг давался ей с трудом — словно она ступала по раскаленным железным шипам.

В её мыслях бушевала битва с Системой 886:

— Заткнись! Еще раз включишь Любовную циркуляцию, я тебя немедленно отформатирую! У меня пальцы на ногах свернулись так, что хоть трехкомнатную квартиру в них строй! Поняла?!

Шан Ханьчжи была одета в кафтан с отделкой из фиолетовых астр, который подчеркивал её изящный стан, а её личико сияло нежной белизной. По сравнению с тем, какой яркой и оживленной она была на осеннем банкете во дворце, сейчас в ней чувствовалась болезненная слабость. Она напоминала весенний бутон в капельках росы, вызывая у окружающих невольное желание защитить её.

Впереди Князь Чунь Лунси замедлил шаг.

Полы его кафтана цвета осеннего дуба скользили по листьям. Сам он казался тонким и хрупким, словно стебель бамбука, и от него исходила аура чего-то легко разрушимого. Лишь в его спокойном взгляде, изредка скользившем по теням кленов, проступали скрытые под ледяной коркой течения. Он казался сосредоточенным на дороге, но боковым зрением давно подметил беспомощную походку невесты.

До него доходили слухи, что она якобы приболела, а еще он знал, что в день помолвки она устроила скандал в резиденции принцессы. Теперь, увидев её воочию, он убедился: она действительно выглядела как человек, едва оправившийся от тяжелого недуга.

Шан Ханьчжи изо всех сил старалась играть роль послушной девицы, отстающей на полшага, но тело её было напряжено, словно натянутая тетива.

Путь был долгим, мысли блуждали, и в какой-то момент в ней проснулась душа прямолинейного спортсмена. Ноги пошли сами собой! Шаг, еще один... и она незаметно поравнялась с Лунси!

Хуже того, когда тело расслабилось, сработал какой-то внутренний навигатор, и она непроизвольно придвинулась к нему еще на полшага! Их плечи разделял всего лишь кулак. В эпоху Великой Цин это было равносильно публичному признанию в близости!

Ирония заключалась в том, что на лице Шан Ханьчжи застыло выражение глубокого безразличия, словно она наконец-то закончила смену. Длинные ресницы опустились, и под лучами теплого солнца её губы уже не казались такими бледными.

В тот самый миг, когда между ними проскочила искра и рукава почти соприкоснулись, Лунси внезапно остановился.

Это было не столкновение, а внезапное ощущение чужого тепла и близости, словно камень, брошенный в гладь озера его сердца.

Как она на самом деле относится к этой помолвке?

Его взгляд потемнел, он медленно повернул голову. Пытливый взор впился в лицо девушки, оказавшееся совсем рядом. Кожа была белой, как нефрит после болезни, а легкое оживление, промелькнувшее на лице, когда она расслабилась, резко контрастировало с её нынешней напускной невозмутимостью.

В сердце Лунси зародились сомнения. Он спросил с идеально выверенной ноткой тревоги:

— Гэгэ... Вы выглядите такой уставшей? И бледны до крайности. Если вам нездоровится, позвольте мне немедленно позвать паланкин? — каждое его слово было пропитано заботой о её больном теле.

Шан Ханьчжи от этой близости чуть не сожгла свой внутренний процессор!

Черт возьми! Попалась с поличным, когда подошла слишком близко!

Однако лицом она осталась невозмутима, как тонкий фарфор, лишь ресницы едва заметно дрогнули. Она отреагировала с грацией, достойной придворной дамы — отпрянула на добрый фут!

Изящная рука легла на грудь (на самом деле она впилась ногтями в собственную плоть под рукавом), и она опустила глаза. Когда она снова посмотрела на него, в её взгляде читалось легкое недовольство, а голос приобрел искусственную хрипотцу:

— Благодарю за заботу, Ванье, я тронута. Это лишь горный ветер, от него немного закружилась голова, ничего страшного.

Лунси остался невозмутим, но взгляд его стал острым, как игла. Её слишком отточенное отступление и безупречные слова казались тщательно отрепетированными. Только дрожь ресниц и хрипотца в голосе были настоящими.

Он мгновенно сменил выражение лица, надев маску мягкого и учтивого джентльмена. Когда она отстранилась, он даже изобразил легкую печаль, а голос его стал еще нежнее:

— Прошу прощения, это я был неосторожен. Виноват лишь этот осенний ветер, не знающий, что нам нужно.

Он обернулся к сверкающей внизу воде и искренне добавил:

— К счастью, праздник Сяньюань уже близок. Фонари на воде, отблески света — всё это приносит покой и избавляет от невзгод. Я бы хотел пригласить вас поехать вместе. Во-первых, помолиться о мире в стране, а во-вторых... — он снова посмотрел на неё, и в его глазах заиграло тепло, — я надеюсь, что этот свет фонарей прогонит печаль с вашего чела и принесет вам душевный покой. Согласитесь ли вы составить мне компанию?

Прогонит печаль? Душевный покой?

В голове Шан Ханьчжи завывала сирена! Что он задумал? Что он пытается вывести?!

Отказать? Можно схлопотать обвинение в неповиновении указу!

Согласиться? Кто знает, что на уме у этого человека с двойным дном!

Они встретились взглядами. Глаза Лунси были теплыми и сосредоточенными, словно всё только что произошедшее было лишь игрой воображения.

Шан Ханьчжи, скрываясь за маской невозмутимости, чувствовала, как каждое слово дается ей с трудом, словно она перемалывает камни. Её голос дрожал:

— Ванъе... вы так добры. Я... я согласна.

Каждое слово было как удар ножом, и теплый ветерок праздника Сяньюань внезапно показался ей ледяным порывом.

Горный ветер пронесся сквозь лес, развевая их одежды. Лепестки астр на её кафтане едва заметно вздрагивали, а полы кафтана Лунси покрывались дорожной пылью.

Под золотым контрактом их помолвки уже обнажились острые рифы. А фонарь, ожидающий своего часа на воде, безмолвно освещал их опасный путь.

<http://bllate.org/book/18814/1830160>